

Чужое в своем: заимствования в новой русской фразеологии

Валерий Михайлович Мокиенко, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), mokienko40@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020022

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблеме заимствований в новой русской фразеологии. При всем настроенном отношении к прямым лексическим заимствованиям заимствования фразеологические не оцениваются критично ни обществом, ни языковыми пуристами. Причина этого в том, что, в отличие от заимствованной лексики, иноязычные фразеологизмы, как правило, образуются путем калькирования, т. е. буквальным переводом составляющих их компонентов. Это делает их образность прозрачной и узнаваемой. Современный русский язык после политических и других перемен в 90-е годы прошлого века обогатился множеством фразеологических калек. Часть из них — перифрастические обороты, обозначающие некоторые сферы жизни, бывшие прежде чуждыми в советском обществе. К такого рода оборотам относятся и выражения военной тематики (в большинстве своем публицистического стиля): *звездные войны, ядерный клуб, ядерный зонтик, тактика выжженной земли* и под. Сюда относятся и наименования воюющих: *зеленые береты, красные береты, голубые каски* и под.

Тематическая группа калек с английского, так или иначе связанных с характеристикой власти, начальства, представлена в русском языке идиоматикой с яркой образностью. Такова группа усвоенных русским языком фразеологизмов с компонентом *ковер*: *вызывать на ковер кого; быть на ковре; идти/пойти на ковер* и др.

Предлагается также анализ фразеологических неологизмов политической и банковской сферы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заимствования, языковой пуризм, неологизм, фразеологизм, новая русская фразеология, калька, фразеологическая калька

для цитирования: Мокиенко В. М. Чужое в своем: заимствования в новой русской фразеологии // Русская речь. 2024. № 2. С. 18–36. DOI: 10.31857/S0131611724020022.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при поддержке РФФ № 23-18-00141, проект «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

Issues of Modern Russian Language

Alien in Its Own: Borrowings in the New Russian Phraseology

Valeriy M. Mokienko, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg),
mokienko40@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the problem of borrowings in the new Russian phraseology. With all the wary attitude towards direct lexical borrowings, phraseological borrowings are not critically evaluated either by society or by linguistic purists. The reason for this is that, unlike borrowed vocabulary, foreign phraseological units, as a rule, are formed by tracing, i.e. literal translation of their components. This makes their imagery transparent and recognizable. The modern Russian language, after political and other changes in the 90s of the last century, was enriched with many phraseological cripples. Some of them are periphrastic turns denoting certain spheres of life that were previously alien in Soviet society. Expressions of military subjects (mostly journalistic style) also belong to this kind of turnovers: *star wars*, *nuclear club*, *nuclear umbrella*, *scorched earth tactics*, etc. This includes the names of the belligerents: *green berets*; *red berets*; *blue helmets* etc. The thematic group of calques from English, one way or another connected with the characteristics of power, bosses, is represented in Russian by idiomatics

with vivid imagery. Such is the group of phraseological units adopted by the Russian language with *the carpet* component: *call someone to the carpet; be on the carpet; go / go to the carpet*, etc. An analysis of the phraseological neologisms of the political and banking spheres is also proposed.

KEYWORDS: borrowings, language purism, neologism, phraseology, new Russian phraseology, tracing paper, phraseological tracing paper

FOR CITATION: Mokienko V. M. Alien in Its Own: Borrowings in the New Russian Phraseology. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 18–36. DOI: 10.31857/S0131611724020022.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00141 “Ideographic Dictionary of Russian Phraseological Neology: Dynamics of Language and Thinking”, implemented at St. Petersburg State University.

Влюбом языке мира есть немалые лакуны в своем собственном хранилище слов, и поэтому приходится новое черпать из запасников чужого. Это обычно и вызывает дискуссии, к которым подключается не только широкая общественность, но даже и самые высокие властные структуры.

Очередная волна таких дискуссий всколыхнулась не так давно в нашей Государственной Думе, принявшей 16 февраля 2023 г. в третьем чтении правительственный законопроект, уточняющий перечень сфер, использование русского языка в которых является обязательным. Председатель думского комитета по культуре Е. А. Ямпольская внесла в документ поправки, предлагающие защитить русский язык от чрезмерного употребления иностранных слов.

Скрывать нечего: проблема заимствований есть. И после «лихих 90-х» она обострилась не менее, чем во времена Петровских реформ или преобразований после Октябрьской революции, когда иноязычная лексика девятым валом хлынула в наш язык. Но филологу, профессионально изучающему пласты заимствований, бросается в глаза одно немаловажное обстоятельство. Все, кто ревниво борется с языковой чужеродностью, целью борьбы всегда избирают **исключительно лексику**, видя именно и только в ней источник «загрязнения».

Борясь с лексическими заимствованиями, якобы «загрязняющими» наш язык, блюстители его чистоты совершенно игнорируют так называемые языковые кальки, хотя именно калькирование давно стало общим

лингвистическим механизмом идиоматической европеизации. Суть его давно известна и весьма четко описывается современными словарями лингвистических терминов. Так, в словаре О. С. Ахмановой *калька* определяется как «семантическое заимствование, заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи» [Ахманова 1966: 188]. Специфика фразеологической кальки во многом влияет как на пути проникновения фразеологических заимствований из одного языка в другой, так и на их функционирование в принимающей языковой системе.

Эта специфика, по одной из принятых дефиниций (Б. А. Ларин, В. В. Виноградов, В. Н. Телия и др.) определяется категориальными свойствами фразеологизма как особой языковой единицы — раздельнооформленностью, относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, семантической целостностью и экспрессивностью [Мокиенко 1989: 5]. При этом последнее свойство иногда не признается обязательным — в случаях, когда к фразеологизмам относят и так называемые коллокации типа *принять решение, вызвать орацию, поставить вопрос* (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский и др.). Раздельнооформленность делает фразеологическое калькирование равноположенным синтаксическому, что отражается на структуре соответствующей идиоматики. Относительная устойчивость и воспроизводимость заставляет любую фразеологическую кальку восприниматься в языке-приемнике как автоматизированное словосочетание (несмотря на оживляемую новыми языковыми средствами образность). Семантическая целостность обеспечивает репродукцию кальки в том фразеологическом значении, в котором она употребляется в языке-источнике. Наконец, экспрессивность накладывает мощный отпечаток на идеографическую избирательность фразеологических калек по сравнению с кальками лексическими.

Последнее свойство чрезвычайно важно уже потому, что идеографическая карта фразеологических калек является универсальной, что во многом облегчает их быструю адаптацию в новой языковой среде. Если для большинства лексических заимствований и калек буквальный перевод внутренней формы привносит в принимающую языковую систему обозначение нового (или обновляемого) понятия, то фразеологическая калька, как правило, перезаряжает образность и экспрессивность уже известных в языке-приемнике обозначений — «Безделья», «Пьянства», «Глупости», «Множества» и т. п.

Прямое заимствование фразеологизмов осуществляется крайне редко. Типичный пример — неологизм *хай-лайф* 'образ жизни состоятельной части общества' [Левашов (ред.) 1997: 859]. Собственно, это транслитерация англ. *high life* (букв. высшая жизнь), не слишком освоенная русским

языком в силу своей фонетической и словообразовательной чужеродности. Аналогична судьба и так называемых **полукалек** — своеобразных лексико-фразеологических «гибридов», где один компонент являет собой прямое лексическое заимствование, а другой — буквальный перевод с языка-источника.

Фразеологические кальки всегда проникали в систему русского языка незаметно, маскируясь под известные всем родные слова и потому не вызывая неприятия и отторжения ни у говорящих, ни у пуристов.

И правильно: ведь такие кальки не просто характеризуют, но и достаточно объективно оценивают ту языковую картину мира, которая рисуется наиболее реальными событиями и современными реалиями. В краткой статье попытаемся очертить лишь некоторые фрагменты этой масштабной картины, выделив типичные тематические доминанты.

Одна из «горячих» тем фразеологической перифрастики — тема военная. И здесь кальки (в большинстве своем публицистического стиля) достаточно точно и детализированно эту тему характеризуют, отражая использование новейших западных технологий:

звездные войны (англ. *star wars*) ‘выведение в космос ядерного оружия; ведение военных действий с использованием космического пространства’ [Котелова (ред.) 1996: 19]; *ядерный клуб* (англ. *nuclear club*) ‘о группе стран, обладающих ядерным оружием’; *тихая смерть* (англ. *silent holocaust*) ‘об уничтожении противника путем применения химического оружия’ [Котелова (ред.) 1989; Левашов (ред.) 1997: 817]; *космический зонтик* (*зонтик*) (англ. *space umbrella*) ‘о контроле США из космоса происходящего в мире’ [Котелова (ред.) 1989; Левашов (ред.) 1997: 378]; *ядерный зонтик* (англ. *nuclear umbrella*) ‘о воздушных средствах защиты против нападения с применением ядерного оружия’ [Котелова (ред.) 1996а; Левашов (ред.) 1997: 903]; *ракетный зонтик* (англ. *rocket umbrella*) ‘о ракетно-ядерном оружии как средстве обороны’ [Левашов (ред.) 1996: 304]; *пули против пуль* (англ. *bullets against bullets*) ‘об американских противоракетах системы «Патриот»’ [Левашов (ред.) 1996: 294].

Во многих публицистических контекстах эти военные перифразы употребляются с прилагательными, не оставляющими сомнений в их адресате.

К военной теме, естественно, прямо относятся и наименования воюющих:

военные зеленые береты (англ. *green berets*) ‘о подразделениях сухопутных войск США, специализирующихся на десантно-диверсионных операциях’; по названию характерной детали обмундирования

[Котелова (ред.) 1995: 86; Новиков 2004: 18; Stěpanova, Dobrova 2018: 44]; *военные красные береты* (англ. *military red berets*) ‘о парашютистах армии Великобритании’; по названию характерной детали обмундирования [Новиков 2004: 18]; *военные голубые каски* (англ. *military blue helmets*) ‘о вооруженных силах ООН по поддержанию мира’ [Новиков 2004: 104; Котелова (ред.) 1995: 182]; по названию отличительной детали обмундирования — касок голубого цвета, которые носят солдаты войск ООН, препятствующих разрастанию региональных конфликтов (голубой цвет, цвет неба, символизирует миролюбие).

Приведенные перифразы, обозначающие различных военнослужащих, образованы путем метонимического переноса названий одежды на тех, кто ее носит. Метонимической перифразой соматического типа является и оборот *военные кожаные шеи* (англ. *leathernecks* — ‘кожаные воротники’) ‘об американских морских пехотинцах, носивших широкие кожаные воротнички для хорошей осанки’ [Буцева (ред.) 2014: 94]. Другая же группа подобных наименований создается путем анималистических метафор:

военные дикие гуси (англ. *wild goose*) ‘о наемниках, используемых для вооруженной борьбы с политическими противниками (в западной прессе)’ [Левашов (ред.) 1997: 174; Котелова (ред.) 1982; Новиков 2004: 59]; *военные морские котики* (англ. *military navy seals*) ‘элитное подразделение спецназа ВМФ США — в качестве имени собственного’ [Буцева (ред.) 2014: 281]; *псы войны* (англ. *the dogs of war*) ‘о вооруженном наемнике, используемом в политических целях. Иностранцы наемники, участвующие в карательных и диверсионных операциях расистских властей (особенно ЮАР) против сил национально-освободительного движения и правительств развивающихся стран (особенно Южной Африки)’ [Котелова (ред.) 1986а; Левашов (ред.) 1997: 592; Новиков 2004: 189]; *собаки войны* (англ. *the dogs of war*) ‘наемные войска в западных странах’ [Котелова (ред.) 1986а: 209; Новиков 2004: 228]; *военные белые мартишки* (англ. *military white monkeys*) ‘об агентах ЦРУ’ [Котелова (ред.) 1996а: 31].

Легко увидеть по образной подоплеке этих устойчивых словосочетаний, что они имеют разную стилистическую окраску. Так, обозначение агентов ЦРУ или наемников, естественно, окрашено негативно:

Манила... На операциях по захвату путчистами военных и гражданских объектов в конце августа присутствовали агенты ЦРУ («белые мартишки», как их здесь называют) (Изв. 21.9).

Возможно, это явилось одним из основных факторов, послуживших поводом для попытки свергнуть правительство с помощью наемников.

Предположение вполне допустимое. А когда к военно-стратегическим соображениям добавляются корыстные интересы монополий, всегда найдутся деньги для оплаты любого преступления «собак войны» (Нед. № 49, 81).

Различные оттенки оценочности характерны и для перифрастических неологизмов, обозначающих лиц профессиональных сфер чуждого нам общества:

тихий американец (англ. *the quiet American*) ‘агент Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, ведущий разведывательную или подрывную деятельность в других странах под прикрытием торговой или дипломатической деятельности’ [Котелова (ред.) 1986а: 229; Новиков 2004: 4]. < Перифраза, вероятнее всего, происходит от названия романа английского писателя Грэма Грина (1904–91) «*Тихий американец*» (1955 г., русский перевод 1959 г.), рассказывающего о подрывной деятельности агента американской спецслужбы во Вьетнаме во время Индокитайской войны; *тихий западник* (англ. *the quiet Westerner*) ‘лицо, засылаемое ЦРУ США в какую-либо страну для подрывной деятельности’ [Котелова (ред.) 1986а: 229]; *люди из Лэнгли* (англ. *the people from Langley*) ‘агенты Центрального разведывательного управления США’ [Новиков 2004: 141]. < Лэнгли — город в штате Вирджиния, где находится Центральное разведывательное управление США; *золотые воротнички* (англ. *gold collars*) ‘в странах Запада — о высококвалифицированных специалистах, создающих и обслуживающих сложную современную технику’ [Левашов (ред.) 1996: 69; Левашов (ред.) 1997: 133, 260]; *синие воротнички* (англ. *blue-collar worker*) ‘о лицах наемного труда, занимающихся обычной физической работой (обычно об индустриальных и строительных рабочих)’ [Левашов (ред.) 1996: 69; Новиков 2004: 40]. < По характерной детали одежды рабочих — куртке синего цвета с воротником.

К этой тематической группе можно отнести и шуточный разговорный фразеологизм *неуловимый Джо* (англ. *elusive Joe*) ‘о человеке, которого очень трудно поймать, разыскать в нужную минуту (потому что его никто не ищет)’ (например, официальное лицо, бизнесмен и т. п.). Он образован от имени персонажа некогда популярного американского анекдота. Ср. также новую ироническую пословицу *Начальник что тамагочи: орет, когда хочет*, характеризующую своеволие начальства, где *тамагочи* — детская игрушка начала 2000-х гг., сейчас уже забытая. Здесь русский неологизм порожден комбинацией японского слова и чисто русской паремиологической конструкции. Ср. чисто русские пословицы

о начальнике: *Начальник — всему печальник*; кубан. *Маленький начальник хуже лихоманки*; *Начальство не свой брат: много говорить не станешь* и под.

Кстати, тематическая группа кáлек с английского, так или иначе связанных с характеристикой власти, начальства, представлена в русском языке и идиоматикой с яркой образностью. Такова, например, группа глупо-укоренившихся в нашем языке фразеологизмов (часто — шутивно-иронических) с компонентом *ковер*: *вызывать/вызвать (ставить/поставить, приглашать/пригласить, требовать/потребовать) на ковер кого* (англ. *to call smb. on the carpet*) ‘вызывать кого-л. в кабинет начальника для выговора, разноса’ [Котелова (ред.) 1995: 296; Котелова (ред.) 1984б: 283]; *быть на ковре* (англ. *to call smb. on the carpet*) ‘о человеке, получающем выговор, разнос от вышестоящего’; *идти/пойти на ковер* (англ. *to go on the carpet*) ‘идти в кабинет начальника для выговора, разноса’. По мнению исследователей, все они образованы от оборота *быть на ковре*, происхождение которого объясняется по-разному. По одной версии, первоначально оно относилось к слуге, вызванном к своему британскому хозяину для выговора [Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 35], по другой — связано со спортивной терминологией. При этом в языке-источнике оно имело два значения — со значением ‘быть на повестке дня, рассматриваться’ либо ‘получить нагоняй, выговор от вышестоящих’ [Колиберская 1980: 85]. При этом серия «ковровых» англицизмов закрепилась не только в русском, но и в других европейских языках — ср. словц. *byť na koberci*, нем. *auf dem Teppich bleiben* ‘придерживаться существа дела’, ‘сохранять здравый смысл’; укр. *викликати на килим*, словц. *zavolať si na koberec*; фр. *tenir qn sur le tapis* ‘судачить о ком-л.’ и др.

Образ ковра оказался настолько популярным, что, когда недавно (во второй половине 90-х гг. XX в.) появился еще один английский фразеологический неологизм с совершенно иной мотивировкой — *заметать/замести (загонять/загнуть, прятать/спрятать) под ковер* (англ. *sweep sth under the carpet*; амер. вариант — *sweep sth under the rug*) ‘пытаться скрыть что-л. (постыдное), держать в тайне, пытаться избежать огласки’ [Буцева (ред.) 2014: 89], он тут же занял свое законное место в «ковровом» строю [Fink 2010]. Ср. также *под ковром* ‘скрыто, неявно’ или ‘скрытый, неявный’ [Буцева (ред.) 2014: 88–89].

Способы, которыми власть или начальство добиваются подчинения, многообразны. Пожалуй, самый типичный по своей древней диалектике характеризуется фразеологизмом *политика (тактика) морковки и палки* (или *палки и морковки* — англ. *carrot and stick*) ‘чередование жестких и мягких мер при обращении с кем-либо, ведении какой-либо политики и т. п.’.

Он стал синонимом давно вошедшего из немецкого в русский язык оборота *политика кнута и пряника*. Английский оборот зафиксирован в английских словарях с начала XX в. в форме *carrot and stick*, и его возможная этимология такова: чтобы заставить упрямого и непослушного осла идти вперед, на палку перед его мордой привязывали морковку. Это связывается со стереотипом ослиного упрямства [Fink 2006]. В русском языке выражение *политика (тактика) морковки и палки* пока еще не стало частотной единицей нашего лексикона. Но как неологизм оно уже начинает завоевывать наше языковое пространство — ср.:

Затем в Саксонии появился папский дипломат Карл фон Мильтци, который обратился к политике «палки и морковки» в отношении курфюрста (Yandex, 2006).

В то время США использовали классическую политику «палки и морковки» («кнута и пряника») в отношении России (Yandex, 2006).

Этот оборот — типичная фразеологическая калька, как минимум 20 лет известная русскому языку. Неслучайно и в Википедии в комментариях к уже привычному обороту *политика кнута и пряника* она также включена: «В английском языке используется в форме “морковка и палка” (“carrot and stick”), ассоциируясь со способами, которыми можно заставить двигаться упрямого осла. В латыни в таких контекстах противопоставляются хлеб и камень...». Узнаваемость этого выражения обеспечивается именно древней фразеологической моделью, по которой оно образовано.

Как и следовало ожидать, в «лихие 90-е» в русский язык хлынула и волна устойчивых словосочетаний, связанных с банковским делом и капитализацией нашего общества. Вот лишь несколько таких сочетаний с компонентами *банк, акции и деньги*:

зеленый банк 1. ‘о банке «Сбербанк»’ (по цвету эмблемы и оформления офисов «Сбербанка»); 2. ‘банк, придерживающийся принципов экологической ответственности’ [Stěpanova, Dobrova: 37–38]; *голосующие акции* (англ. *voting stocks*) ‘акции, дающие право их владельцу принимать участие в собраниях акционеров и голосовать при принятии решений’; *именные акции* (англ. *registered stocks*) ‘акции, регистрируемые на имя конкретного собственника’; *неголосующие акции* (англ. *vote less stocks*) ‘акции, не дающие их владельцам права голоса на собраниях акционеров, а лишь предоставляющие возможность получения дивиденда’; *привилегированные акции* (англ. *debenture stocks*) ‘акции (в отличие от обыкновенных), гарантирующие доход независимо от результатов хозяйственной деятельности акционерного общества и первоочередность выплаты их стоимости при роспуске без права

голоса на собрании акционеров’ [Буцева (ред.) 2009: 49]; *короткие деньги* (англ. *short term money*) ‘банковский кредит на небольшой срок (сутки, неделя, две недели)’ [Буцева (ред.) 2009: 489]; *пластмассовые (пластиковые) деньги* (англ. *plastic money*) ‘о кредитных пластиковых карточках, служащих для расчета за товар или услуги’ [Котелова (ред.) 1986б; Левашов (ред.) 1997: 597; Буцева (ред.) 2009: 489].

Понятно, что частотность их употребления в русском языке различна и зависит от профессиональной ориентированности и компетентности говорящих. Тем не менее назвать их окказионализмами нельзя, ибо Интернет фиксирует их в достаточном количестве. Так, например, сочетание *зеленый банк* хотя и не отражено (пока!) в НКРЯ, но употребляется русскими пользователями интернета в довольно репрезентативном количестве контекстов. К первому значению можно отнести такие контексты:

*Работаю с маркетингом нашего самого **зеленого банка** — скучать совсем не приходится* (<http://hvestochka.livejournal.com>).

*Поэтому я после выплаты кредита пришла за справкой о полном погашении в **зеленый банк**. Выяснила «совершенно случайно» об остатке долга в 72 копейки. Которые тоже бы попортили мне много крови. Выплатила и получила справку* (<http://kiss-my-abs.livejournal.com>).

*По ходу все началось с хитрожопости большого **зеленого банка*** (<http://fastinsert.livejournal.com>).

Ко второму — такие:

*Однако некоторые механизмы уже запущены. В рамках этого проекта министры Шотландии сообщают о планах создания «**зеленого**» инвестиционного **банка** для финансирования светодиодного освещения всей Шотландии — GIB* (<https://ecology.md/ru/page/zelenye-investicii-bank-gib>).

*Эксперты обсудили концепцию создания «**зеленого**» **банка** в России* (rareearth.ru).

Конечно, по своему языковому статусу это не фразеологизмы, а лишь устойчивые словосочетания, по функции близкие к терминам. Но они характерны как маркеры активного заимствования англицизмов путем калькирования.

В этой же тематической сфере можно найти и перифразы, и идиомы. Так, оборот *однорукий бандит* (англ. *one-armed bandit*) стал шутивно-ироническим обозначением игрового автомата [Новиков 2004: 13–14; Stěpanova, Dobrova 2018: 37]. Название объясняется тем, что наиболее распространенный тип игровых автоматов «на выигрыш» управляется с помощью одного рычага — им останавливается барабан, указывающий

выигрыш. Об американском «паспорте» этой перифразы давно сообщает пресса:

«Лоус» высадила свой десант на Лазурном берегу, захватив с собой несколько сотен «одноруких бандитов» — так называют игральные аппараты — и соответствующий персонал, который прошел школу в «лучших домах» Лас-Вегаса (Ветры над Монако // Изв. 24.07.1984).

Тематическая группа кáлек, характеризующих меркантильные отношения, пополняется также пословицами и поговорками, давно бытующими в англо-американском языковом пространстве. Типичный пример — разговорное выражение *класть/положить (раскладывать/разложить) [все] яйца в одну корзину* ‘рисковать всем, поставить все на одну карту’, которое бытует и в форме пословичной рекомендации *Не надо класть все яйца в одну корзину*. Их источник — англ.-амер. *to put (to have, to keep) all one's eggs in one basket* (букв. класть яйца в одну корзину; (хранить (иметь) все яйца в одной корзине) ‘то же’ [Шерік, Савічук, Старко 2000: 26]. В американском варианте английского языка оно образовано на основе более старого английского (имеющего и немецкую параллель) оборота *You must not throw everything into the same pot*; нем. *Man soll nicht alles in einem Topf werfen* (букв. нельзя бросать все в один горшок, в одну кастрюлю). Ср. фр. *Il ne faut pas jeter tout dans le même moule* (букв. Нельзя бросать все в одну литейную форму, в одну матрицу) [Pavlica 1960: 190–191]. Американское выражение в новое время было заимствовано и другими европейскими языками — напр., словен. *Ne treba vsega metati v en koš, х./с. Ne treba strpati sve u jedan koš* ‘Нельзя во всем поступать одинаково’. В современной русской прессе оно чаще всего употребляется в финансово-экономических рубриках или в рекламе, призывающей к банковской осторожности.

Как видно из приведенных примеров, без многих фразеологических кáлек, которые глубоко и вполне органично вписались в наш язык, уже трудно представить современную русскую социальную, политическую и экономическую жизнь. Но скептик-пурист может сказать: понятно, ведь эти сферы в последнее время практически прямо затронуты чужеродным влиянием, а вот «вечные темы» общечеловеческой жизни и бытия наверняка обошлись без такой иноязычной зависимости.

Что ж, фразеологические кальки на «вечные темы», пожалуй, не столь многочисленны, однако и их в нашем языке немало. К примеру, можно даже собрать небольшой словарь таких оборотов на один из самых необходимых для жизни сюжетов — «Пища». Между прочим, листая фундаментальный трехтомный «Словарь русской пищевой метафоры: Гастрономическая деятельность» Е. А. Юриной и ее соавторов [Юрина (ред.) 2015, 2017, 2019], постоянно находишь оригинальные лексические и фразеологические

заимствования из самых разных языков, объем которых может составить специальный лексикографический справочник заимствованных наименований пищи. Во фразеологическом ракурсе подобные кальки имеют различный семантический диапазон. С одной стороны, это почти нейтральные наименования типа *быстрая еда* (англ. *fast food*) 'еда с уменьшенным временем ее приготовления и употребления' [Буцева (ред.) 2014: 244], которые не совсем успешно конкурируют с прямыми заимствованиями типа *фастфуд*. С другой стороны, это названия с экспрессией, заложенной в их исходном образе, но являющиеся почти составными терминами — такова неодобрительная характеристика еды из генетически модифицированных продуктов *еда Франкенштейна* (англ. *Frankenstein food*) [Буцева (ред.) 2009: 568]. Но «чуждая» пищевая образность достаточно быстро и органично осваивается нашим языком и уже без всяких сомнений воспринимается как своя собственная. Вот два типичных примера.

Пословица о сыре — *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* — вполне злободневное предупреждение легковерным покупателям или потребителям о том, что ничего «бесплатного» не бывает, если за какие-то блага их получатель не платит, это обязательно делает кто-то другой или тот же получатель, но в иной, скрытой форме. Она активно употребляется в русских средствах массовой информации и широко представлена в Национальном корпусе русского языка, став символом бесплатного товара, который может оказаться весьма дорогим. От пословицы *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* образован и фразеологизм *бесплатный сыр* 'приманка, заманивающая в ловушку'. На вид она «чисто русская». Однако хронология пословицы — первое употребление в «Аргументах и фактах» 1995 г. [Мокиенко (гл. ред.) 2002: 248] — сигнализирует о ее заимствованном характере. И действительно: ее связывают с английским прототипом *There ain't no such thing as a free lunch* — *Бесплатных завтраков не бывает*, который также (хотя и довольно редко) употребляется в русском языке. В. Серов приводит и конкретные источники, и факты, повлиявшие на популярность поговорки (книга «Искушенный инвестор» (1959) Б. Крейна и роман «Луна — суровая хозяйка» (1966, в другом переводе «Луна жестко стелет») Р. Хайнлайна. Дать своему сочинению полемический заголовок Б. Крейна побудила реалья американской жизни — своеобразная рекламная акция (известная с середины XIX в.) многих баров, когда к заказанному клиентом пиву хозяин подавал и так называемый *free lunch*, то есть «бесплатную закуску». Разумеется, ничего бесплатного тут не было: стоимость закуски включалась в стоимость пива [Серов 2003: 56]. Выражение стало особо популярным в английском языке после выхода в свет (1975) книги американского экономиста-неолиберала лауреата Нобелевской премии (1976) по экономике Милтона Фридмана о новой экономической

политике США. У книги было афористическое название «Бесплатных завтраков не бывает» («There's No Such Thing As a Free Lunch»). Поэтому иногда авторство этого афоризма приписывается М. Фридману.

Некоторые источники приписывают авторство поговорки Маргарет Тэтчер, которая с 4 мая 1979 г. до 28 ноября 1990 г. была премьер-министром Великобритании. Она употребила ее в традиционном варианте *There ain't no such thing as a free lunch* в своем интервью в прямом эфире на советском телевидении. При этом сторонники этой версии не разграничивают поговорку о бесплатном завтраке с поговоркой о бесплатном сыре в мышеловке. Тем не менее хронология и аллюзии на фразу М. Тэтчер заставляют предполагать иноязычный источник. Того же происхождения и нем. *Käse umsonst gibt es nur in der Mausefalle*, первая фиксация которой датируется лишь 1993 г., и чеш. *Zadarmo (Zdarma) je jen sýr v pastičce na myši*, венг. *Nincs ingyen sajt, csak az egérfogóban; Ingyen sajt csak az egérfogóban* и др. В пользу приоритетности англо-американского источника свидетельствует наличие старой паремиологической модели *There ain't no such thing as a free lunch* — *Бесплатных завтраков не бывает*. Между прочим, в английском языке есть и варианты поговорки, полностью адекватные ее русской кальке: *There is always free cheese in a mousetrap* 'Бесплатный сыр только в мышеловке'; *Free cheese is only found in the mousetrap* — 'Бесплатный сыр можно найти только в мышеловке'; *The only free cheese is in the mousetrap* 'Единственный бесплатный сыр — в мышеловке'.

Поговорка прочно укоренилась в русском языке, причем не только в средствах массовой информации, но и в современной литературе (Н. Александрова «Последний ученик да Винчи», Д. Донцова «Микстура от косоглазия», В. Овчинников «Калейдоскоп жизни», А. Ростовский «По законам волчьей стаи», А. Шубин «Путь к благополучию» и др.).

Второй «вкусный подарок» русскому языку от британцев и американцев — фразеологизм *вишенка на торте*, который уже стал популярным в русской разговорной речи и даже обрел два разных значения — 'заключительный аккорд, последний штрих в череде счастливых, удачных событий; нечто самое лучшее', 'последняя капля в череде каких-л. неприятных событий, явлений, качеств'. Как показывает специальный этимологический анализ [Мокиенко 2019: 141–144], это выражение — калька с английского (амер.) *a cherry on cake, a cherry on top, cherry on top of the cake*. В свою очередь она является вариантом более старого британского фразеологизма *icing on the cake* (букв. глазурь на торте), полностью аналогичного его американскому варианту *frosting on the cake*. Выражение стало популярным во многих европейских языках: белор. *вішанька на торце*, укр. *вишенька на торці*, пол. *wiśnia na torci*, чеш. *třešně (třešničky) na dortu*, словц. *čerešňa na torte*, серб. *трешња на торти*, хорв. *trešnja na torti*,

словен. *česnja na torti*, болг. *череша на тортата*, макед. *цреша на тортата*; нем. *Kirsche auf dem Kuchen*, фр. *cerise sur le gâteau*, итал. *ciliegia sulla torta*... В русском же языке оно настолько освоилось, что употребляется в одной «связке» с чисто русскими реалиями — например, с названием старой народной игры *куча мала*:

Но гости отбиваются и устраивают кучу малу, а на глазах хозяев появляются слезы... вишенка на торте. Нет, это не решающая битва Кубка Гагарина и не финал чемпионата мира, а золотой матч первого сезона детской хоккейной лиги Башкортостана. Сергей Бегушев. Скоро из детской лиги выйдут чемпионы мира! (Советский спорт, 2013.03.12).

Как и собственно русские фразеологизмы, фразеологические заимствования могут снижать активность своего употребления, а потом — в силу самых разных обстоятельств — обретать второе рождение. Так произошло с довольно странной перифрастической амальгамой русского уменьшительного существительного *ножки* (реже — *ноги*) с именем бывшего 41-го президента США Буша-старшего — Джорджа Герберта Уокера (1924–2018) — ср. англ. *fried chicken legs*. *Ножками Буша* в 90-е стали шуточно-иронически называть поступающие в Россию преимущественно из США дешевые замороженные куриные окорочка, а затем — и отечественную продукцию такого рода [Буцева (ред.) 2014: 1189]:

От ворот 15-го московского хладокомбината отправлялся назад... рефрижератор, груженный отменными бройлерами... Все холодильники забиты импортным мясом и «ножками Буша» (Сельская жизнь, 01.06.1995).

Бабуля в этот момент еще решала, что ей взять — фарша ли триста граммов или «ножку Буша» (Невское время, 05.08.2000).

Неуклонно росли поставки куриных окорочков в Латвию и Эстонию — при этом если бы все импортируемые туда «ноги Буша» потребляли исключительно местные жители, их (жителей) можно было бы смело заносить в Книгу рекордов Гинесса как исключительных обжор (Новая газета, 2000, 32).

Русские «ноги Буша» расходятся быстрее американских (Эксперт, 2000, 47).

Одно время эта фразеологическая шутка забылась, ибо «ножками Буша» наши потребители насытились и стали понимать, что от них больше вреда, чем пользы. Но вот в 2001 г. сын Буша-старшего, Буш-младший (Джордж Уокер Буш) стал 43-м президентом США, и выражение *ножки Буша* вновь всплыло на нашу языковую поверхность, причем — даже с более мощной иронической стилистикой, поскольку этот продукт начали

называть «пищевой диверсией» 90-х. Вот лишь два свидетельства такой «переоценки ценностей»:

Нам стали сплавлять куриные обьедки. Американцы ведь «ножки Буша» не едят. Бедное негритянское сословие ест куриные грудки, кто позажиточнее — индейку, а ножки с когтями отправляют нам — хорошо еще, не головы с клювами. Митрополит Питирим (Нечаев) (Русь уходящая. 1993–2003 [НКРЯ]).

В Башкирии выращивают индюшек размером с барана. «Ножки Буша» уходят в прошлое. Отечественные птицеводы намерены полностью избавить россиян от некачественного импортного мяса и даже обеспечить индюшатиной (Vesti.ru, 2013.11 [НКРЯ]).

О том, что это американо-русское выражение обрело отечественное языковое гражданство, свидетельствуют и потенции его переносного употребления, усиливающие экспрессивность:

Конечно, убийство президента вышибет первую фигуру алавитского режима, как следствие — Сирию дальше можно пластовать по частям на ножки Буша. Е. Лукьяница, А. Коц, Д. Стешин. Представитель сирийской оппозиции в России доктор Хамо: Повстанцы: бывшие дезертиры (Комсомольская правда, 2012.07).

О чем же свидетельствуют примеры, рассмотренные в этой статье? Как кажется, они убедительно доказывают неизбежность межъязыкового взаимодействия и невозможность кардинального «очищения» от иноязычных влияний. И в этом — не слабость, а сила языковой системы, в том числе и нашего «великого и могучего» языка. Даже если искоренить все лексические заимствования (что невозможно по определению), они будут продолжать свое активное внедрение в виде буквальных переводов-калек, внедрение, которого не заметит даже строгий ревнитель «чистоты» языка. Более того, фразеологические кальки сразу же становятся «своими», русифицируясь благодаря знакомому всем говорящим словесному составу. Иногда, конечно, обозначаемое ими содержание может «намекнуть» на чуждую нам экстралингвистическую реальность. Но и в таком случае это — лишь приобретение, а не утрата, ибо новые реалии надо в любом случае как-то понятно обозначать и оценивать. И именно в этом — положительная роль фразеологических калек в любом языке.

Читатель, конечно, заметил, что в статье все примеры фразеологического калькирования приводятся из одного (правда, «раздвоенного») языкового источника — англо-американского. Но если читателей журнала «Русская речь» заинтересует эта тема, то в следующей статье им будет предложен анализ немецких, испанских, итальянских и китайских фразеологических заимствований.

Литература

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
- Буцева Т. Н.* (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, Т. 1 (А–К), 2009. 815 с.; Т. 2 (Клиент-банк–Паркетный), 2014. 1393 с.
- Колиберская И. О.* О фразеологических кальках с английского в русском языке // Русский язык в школе. 1980. № 6. С. 83–87.
- Котелова Н. З.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-79. М.: Русский язык, 1982. 320 с.
- Котелова Н. З.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М.: Русский язык, 1984а. 286 с.
- Котелова Н. З.* (ред.). Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М.: Русский язык, 1984б. 805 с.
- Котелова Н. З.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-81. М.; Русский язык, 1986а. 288 с.
- Котелова Н. З.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-82. М.; Русский язык, 1986б. 253 с.
- Котелова Н. З.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-84. М.: Русский язык, 1989. 426 с.
- Котелова Н. З.* (ред.). Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 877 с.
- Котелова Н. З.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы 1986. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996а. 381 с.
- Котелова Н. З.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы 1987. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996б. 352 с.
- Левашов Е. А.* (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы 1988. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 420 с.
- Левашов Е. А.* (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.
- Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
- Мокиенко В. М.* Современная славянская неофразеология: сходства и различия // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 137–146.
- Мокиенко В. М.* (гл. ред.). Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Издательский дом «Нева»; ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 352 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения – 3.02.2024).

- Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка. 2-е изд. М.: Русский язык, 2004. 224 с.
- Серов В. В. Крылатые слова: Энциклопедия. М.: Локид-Пресс, 2003. 831 с.
- Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. 239 с.
- Шерк А. Д., Савічук В. Я., Старко В. Ф. Довідник англійських, німецьких та українських ідіом і виразів. Луцьк: Ініціал, 2000. 160 с.
- Юрина Е. А. (ред.). Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1. Блюда и продукты питания. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2015. 425 с.; Т. 2. Гастрономическая деятельность. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2017. 544 с.; Т. 3. Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2019. 454 с.
- Fink Ž. Politika mrkve i batine ili biča i medenjaka // Jezik i mediji – jedan jezik: više svjetova / Ur. J. Granić. Zagreb – Split: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 2006. S. 241–250.
- Fink Ž. Što se gura pod tepih i zašto? (kulturološka i sociolingvistička analiza hrvatskog i ruskog frazema) // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке. Минск: Зміцер Колас, 2010. С. 114–119.
- Pavlica J. Frazеолоški slovar v peti jeziki. Ljubljana: Postojna, 1960. 688 s.
- Štěpanova L., Dobrova M. Slovník ruských neologismů. Словарь русских неологизмов. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. 469 s.

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 607 p.
- Butseva T. N. (ed.) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90^{kh} godov* [New words and meanings: Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 90s]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. vol. 1 (A–K), 2009. 815 p. vol. 2, 2014. 1393 p.
- Fink Ž. [Carrot and beat or whip and gingerbread policy]. *Jezik i mediji – jedan jezik: više svjetova* [Language and media – one language: multiple worlds]. Ed. J. Granić. Zagreb – Split, Croatian society for Applied Linguistics Publ., 2006, pp. 241–250. (In Croat.)
- Fink Ž. [What is swept under the carpet and why? (cultural and sociolinguistic analysis of Croatian and Russian phrases)]. *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya v XXI veke* [Slavic phraseology and paremiology in the 21st century]. Minsk, Zmitser Kolas Publ., 2010, pp. 114–119. (In Croat.)
- Koliberskaya I. O. [On phraseological tracing papers from English in Russian]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1980, no. 6, pp. 83–87. (In Russ.)
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novoe v ruskoj leksike. Slovarnye materialy-79* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-79]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1982. 320 p.

- Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-80* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-80]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984a. 286 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70^{kh} godov* [New words and meanings: Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 70s]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984b. 805 p.
- Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-81* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-81]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986a. 288 p.
- Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-82* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-82]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986b. 253 p.
- Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-84* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials-84]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 426 p.
- Kotelova N. Z. (ed.) *Slovar' novykh slov russkogo yazyka (seredina 50^{kh} – seredina 80^{kh} godov)* [Dictionary of new words of the Russian language (mid 50s – mid-80s)]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. 877 p.
- Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy 1986* [New in Russian vocabulary: Dictionary materials 1986]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996a. 381 p.
- Kotelova N.Z. (ed.) *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy 1987* [New in Russian vocabulary: Dictionary materials 1987]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996b. 352 p.
- Levashov E. A. (ed.) *Novoe v russkoi leksike: Slovarnye materialy 1988* [New in Russian vocabulary: Dictionary materials 1988]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996. 420 p.
- Levashov E. A. (ed.) *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80^{kh} godov* [New words and meanings: Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 80s]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997. 904 p.
- Mokienko V. M. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989. 287 p.
- Mokienko V. M. [Modern Slavic neo-phraseology: similarities and differences]. *Slavyanskiye lingvokul'tury v prostranstvennom i vremennom kontinuumе: sbornik nauchnykh statey* [Slavic linguocultures in the spatial and temporal continuum: collection of scientific articles]. Gomel', F. Skorina GSU Publ., 2019, pp. 137–146. (In Russ.)
- Mokienko V. M. (ed.) *Shkol'nyi slovar' zhivyykh russkikh poslovits* [School dictionary of living Russian proverbs]. St.-Petersburg: Neva Publ. House; OLMA-PRESS Publ., 2002. 352 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 3.02.2024)
- Novikov A. B. *Slovar' perifrasy russkogo yazyka* [Dictionary of the periphrases of the Russian language]. 2nd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2004. 224 p.
- Pavlica J. *Frazeološki slovar v peti jeziki* [Phraseological dictionary in five languages]. Ljubljana, Postojna Publ., 1960. 688 p.
- Serov V.V. *Krylatye slova: Entsiklopediya* [Winged words: Encyclopedia]. Moscow, Lokid-Press Publ., 2003. 831 p.
- Shanskii N. M., Zimin V. I., Filippov A. V. *Opyt etimologicheskogo slovara russkoi frazeologii* [The experience of the etymological dictionary of Russian phraseology]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 239 p.

- Sherik A. D., Savichuk V. Ya., Starko V. F. *Dovidnik angliis'kikh, nimets'kikh ta ukrains'kikh idiom i viraziv* [Handbook of English, German and Ukrainian idioms and expressions]. Lutsk, Initial Publ., 2000. 160 p.
- Stěpanova L., Dobrova M. *Slovník ruských neologismů* [Dictionary of Russian neologisms]. Olomouc, Palacký University Olomouc Publ., 2018. 469 p.
- Yurina E. A. (ed.) *Slovar' russkoi pishchevoi metafory* [Dictionary of Russian food metaphors]. Vol. 1. *Blyuda i produkty pitaniya* [Dishes and food products]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2015. 425 p.; Vol. 2. *Gastronomicheskaya deyatel'nost'* [gastronomic activity]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2017. 544 p.; Vol. 3. *Sub»ekt, ob»ekt i instrumenty gastronomicheskoi deyatel'nosti* [Subject, object and tools of gastronomic activity]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2019. 454 p.